

Маошань!

Это известная среди даосов гора в китайской провинции Цзянсу, родина даосской школы Шанцин. Ее еще называют "Школа высшей чистоты" и говорят, что это "первая обитель на земле восьми бессмертных."

Форма горы напоминает иероглиф И, 卩, поэтому ее в старину называли Кривой горой, Гоуцуйшань. Даосы использовали это название, уточняя, что "Кривая гора полна сокровищ, любого сделает богачом."

В эпоху династии западная Хань в городе Сяньян, в провинции Шэньси жили три брата из богатого рода Мао: Мао Ин, Мао Гу и Мао Чжун. Они пришли на Кривую гору и сделали доброе дело — построили удобную дорогу, ведущую к вершине. В память об их добродетели Кривую гору с этих пор называли горой трех Мао, Маошань.

Во времена династий Тан и Сун даосская школа на горе Маошань достигла своего расцвета. Было построено более трехсот храмов, алтарей и жертвенников, домов и постоянных дворов. Одновременно в этом святом месте могли находиться до пяти тысяч даосов. Как говорили в то время, "три дворца, пять взглядов и семьдесят два шалаша." (прим. Это известная поговорка о Маошане. Три дворца — члены императорской семьи частенько желали молиться в святых местах, в том числе, на Маошане. Но для этого в святом месте должны быть построены императорские резиденции. Пять взглядов — буддистский термин, первый взгляд — пища добывается с трудом, второй — пища не должна быть препятствием к достижению добродетели, третий — пища существует не для чревоугодия, четвертый — еда является лекарством от голода, пятый — правильная еда позволяет даосу самосовершенствоваться. Семьдесят два шалаша — паломничества даосов требовали некоторой аскезы. Если мирские паломники могли жить на постоянных дворах и в резиденциях, то даосы должны соблюдать традиции и жить в аскетичных условиях.)

Но к восьмидесятым годам двадцатого века, после десяти лет анархии земли Маошаня пришли в запустение. (прим. Десять лет анархии — синоним культурной революции). В начале восьмидесятых начались работы по реконструкции архитектурных памятников Маошаня, но по сей день здесь трудно найти полностью отреставрированное здание.

Гора Маошань находится на территории городского округа Цзиньтань. Вокруг нее расположились несколько маленьких деревень, в самой большой из которых не наберется и ста дворов. А были и совсем маленькие, по десятку домов. Каждый день с рассвета и до сумерек можно было видеть столбы дыма из деревень вокруг горы.

Деревенские детишки, когда наступало время учиться, каждый день вынуждены были ходить пешком по пять километров в ближайший городок, где была школа.

Но у большинства не было родни в городке, и после уроков детям приходилось идти обратно. Правда, в районе Маошаня не водилось диких зверей, и ежедневный путь к знаниям был хоть и трудным, но безопасным.

"Брат Е, завтра каникулы. Может, вечером устроим праздник? Пошли на поле семьи Растяпы Ли, наворует кукурузы и поедим?"(прим. этого персонажа зовут Ли Лэньцзы, 李. Но часто его имя пишется с лишним иероглифом 李, Эрлэньцзы, что переводится "растяпа". Видимо, прозвище этому персонажу дали по созвучию с настоящим именем.)

По узкой дороге между гор шли четыре школьника лет десяти. На всех были много раз залатанные штаны, а за спинами — зеленые портфели. Дорога была извилистая, и мальчишки постоянно смотрели по сторонам. Обутые в матерчатые сандалии, они развлекались по дороге, пиная мелкие камешки.

При упоминании о еде у всех, за исключением одного, шедшего посередине, потекли слюнки.

В то время правительство объявило о политике реформ и открытости, а на юге Китая были начаты крупные строительные проекты.

Но небольшую деревушку у подножья Маошаня это никак не затронуло. И дети из бедных семей каждый день, даже играя, говорили только о еде.

Мальчик, что шел посередине, Е Тянь, услышав предложение товарища, ответил: "Зачем кукуруза? Приходите сегодня вечером в мой дом, рыбу поедим. У нас еще есть крабы и рисовый угорь..."

Что касается материального положения, семья Е не была богатой. Приезжие, они жили в такой же бедности, как и деревенские старожилы. Но отец ничего для Е Тяня не жалел. Негоже, если сын будет голодать. В их доме мясо ели редко, но рыбу готовили всегда.

От предложения Е Тяня у его друзей животы заурчали. Дядюшка Е хорошо умеет готовить рыбу, но это не важно. Для голодных даже простой рыбный суп покажется деликатесом.

"Брат Е, это ты сам поймал рисового угря? Круто. Я много раз пытался, но ни разу не получилось."

Один из мальчишек восхищенно взглянул на Е Тяня. Для девяти лет тот выглядел довольно крупным, потому что никогда не голодал.

Чтобы поймать рисового угря, особых снастей не надо. Сойдет обычная спица от велосипеда, у которой один конец надо согнуть крючком, а другой закруглить полностью.

Когда найдется нора рисового угря, туда надо засунуть спицу крючком вперед. Если угорь захватит крючок, его надо протолкнуть поглубже, повернуть и потянуть за закругленный конец на себя. Другой рукой, вытаскивая угря, надо держать его за шею, чтобы не сорвался с крючка. (прим. Рисовый угорь — на самом деле не угорь, только внешне похож. Его еще называют болотным, потому что этот вид адаптировался к жизни в обедненных кислородом водоемах.

Болотные угри способны закапываться в дно на глубину до полутора метров и охотиться оттуда на мелкую подводную живность. Болотные угри слепые, рождаются только самки, впоследствии меняя пол при необходимости. Рисовыми их называют из-за высокой питательности)

Говорить легко, но за шею удержать угря трудно.

Е Тянь был лидером среди детей своего возраста. Ему не было равных в рукопашном бою. А в рыбалке на рисового угря с ним не каждый взрослый мог потягаться.

"Я смотрю, вы совсем оголодали. Рисовый угорь — ерунда, а вот крабы вкусные. Сейчас как раз сезон, самое время крабами лакомиться..."

У подножья Маошаня много горных рек. Но голодным жителям горной деревушки не до деликатесов, поэтому крабов мало кто ловит. Рисовый угорь и рыба — другое дело. В то время важно, чтобы еда была не вкусная, а сытная.

Затем, пригрозив кулаком, Е Тянь строго посмотрел на товарищей: "Но только не вздумайте моему отцу проболтаться про то, что Юй Цинья плакала сегодня, иначе..."

"Брат Е, не волнуйся. Мы не расскажем..."

Толстячок, сказавший это, подошел к Е Тяню и, лстиво заглядывая в глаза, спросил: "Брат Е. А ты, когда зеркало под юбку той девочке положил, что-нибудь увидел?"

"Увидел, но... она слишком быстро заметила меня..." — тихо ответил Е Тянь.

Он с грустным видом рассказал, что эта малышка оказалась слишком обидчивой, расплакалась и побежала жаловаться учителю. Теперь, хоть оценки у него отличные, но почетной грамоты для трех лучших учеников снова не видать, как своих ушей.

За последние пять лет учебы Е Тянь всегда получал высшие баллы на экзаменах, но грамотами его не награждали из-за плохого поведения. Он то девочек за косы к стульям привязывал, то петарды в мужском туалете взрывал. Впрочем, отец его сильно не ругал за отсутствие грамот.

"Брат Е, а что если... если мы после ужина пойдем подсмотрим, как жена Растяпы будет мыться? Я знаю, что Растяпа вечером пойдет на водохранилище сети ставить..."

Округлив глаза, толстячок поделился своей пошлой идеей. Не то, чтобы время пришло этим интересоваться, но в этой богом забытой горной деревушке детям совершенно нечем было заняться. А в таком возрасте сил и энергии хоть отбавляй, надо куда-то выплеснуть.

"Хорошо. Но будьте осторожны. Если поймают, то я тут не при чем..."

Е Тянь согласно кивнул. Этим ему заниматься не впервой. Когда ему исполнилось пять лет, в день свадьбы Растяпы Ли он просверлил дырку в стене комнаты для новобрачных и подсматривал. А на следующий день все рассказал друзьям в школе.

Правда, он тогда совершенно не понял, что это были за крики и стоны. Да и сейчас еще не до конца разобрался, что к чему.

Так они шли, болтая о том и о сем по дороге, пока не увидели вдалеке свою деревушку. На околице сидела стая собак, которые сразу начали гавкать. Но, признав детей, сразу поджали хвосты и убрались от греха подальше.

Деревня, где жил Е Тянь, называлась Личжуан. (прим. дословно "деревня Ли") И, кроме семьи Е, все остальные носили фамилию Ли. Говорят, что во времена Тайпинского государства (прим. 1850—1865 гг.) эту деревню основали два брата, спасавшиеся бегством из северного Цзянсу.

В Личжуан было всего двадцать три двора. Всю деревню от начала и до конца можно было пешком пройти за несколько минут.

На кирпичных стенах домов до сих пор остались висеть агитационные плакаты прошлого века "Борись с индивидуализмом, критикуй ревизионизм", "Во главе с пролетариатом довести революцию до конца!" и другие, подобные этим.

"Толстяк Дунь, хватит яйца чесать. Иди домой, а потом сразу возвращайся..." У входа в деревню Е Тянь остановился, его дом был в самом начале улицы.

Семья Е Тяня жила в деревенском храме предков. Раньше, когда власти боролись с суевериями и религией, все поминальные таблички отсюда выбросили и сожгли, а сам храм разграбили. Потом здесь устроили общежитие для образованной молодежи, приезжавшей из города. (прим. Образованная молодежь — студенты и молодые специалисты, уезжавшие в села и деревни по программе "Вверх — в горы, вниз — в села")

Поначалу в этом доме легко могли разместиться человек десять, но теперь тут живут только Е Тянь с отцом.

"Папа, я вернулся. В этом году у меня снова по сто баллов за все экзамены..." Зайдя в дом, Е Тянь поспешил сообщить хорошую новость. Но теперь он говорил на правильном путунхуа, тогда как раньше с друзьями, общался на местном диалекте.

"Чего разорался, паршивец? Снова натворил чего?"

Как говорят, никто не знает сына лучше, чем его отец. Услышав голос сына, работавший во дворе мужчина средних лет выпрямился и стал его ругать, но при этом он улыбался. Его учителя в школу вызывали по несколько раз в год из-за шалостей Е Тяня, и он отлично знал, как ведет себя этот сорванец, если натворил что-то.

Внешне Е Тянь был очень похож на отца, но черты его лица было более мягкими, почти женственными.

Когда Е Тянь был совсем маленьким, гости, изредка посещавшие их дом, хвалили отца за то, что у него красивая девочка растёт. Тогда ему было всего пять лет, но он совершил восхождение на Маошань, заявив, что хочет найти там наставника и учиться у него, чтобы стать настоящим мужчиной.

Хорошо, что в то время на Маошане уже не было монахов. Иначе, посмотрев фильм "Монастырь Шаолиня", Е Тянь запросто бы согласился обрить голову и стать монахом.

"Не выдумывай, папа. Давай, я помогу тебе разделать рисового угря..."

Е Тянь отбросил в сторону свой портфель и, улыбаясь, снял со стены у входной двери деревянную доску, на верхушке которой вместо зажима для разделки рыбы был просто вбит гвоздь.

Он положил разделочную доску на землю, из таза с водой достал одного рисового угря и мастерски разложил его на доске. В его правой руке, словно ниоткуда, появился нож. Один взмах — и он располосовал угря от головы до хвоста.

Затем, промыв рыбу в воде, Е Тянь быстрыми взмахами порезал огромного угря весом более одного цзиня, и сложил куски в стоявшую рядом большую глазированную керамическую чашку.

Уже много лет отец и сын жили вместе, заметно, что так дружно работать им не впервой. Пока Е Тянь разделял угря, Е Дунпин растопил в котле свиное сало, добавил туда зеленый лук и немного перца, выложил кусочки угря. Из котла донеслось громкое "чи-чи" — шкворчало сало, а вокруг разливался дразнящий аромат.

Совсем скоро пустая керамическая чашка наполнилась обжаренными кусочками угря, а рядом на столе появилась тушеная рыба, суп из рыбных голов, овощные закуски. Ничего особенного, но для голодных сельчан такой обед был настоящей роскошью.

Всего три блюда, зато еды много. Одна только рыба весила шесть или семь цзиней, плюс почти три цзиня угря — можно досыта накормить пять или шесть человек.

"Как вкусно пахнет. Старина Е, в прошлый раз в городе я прикупил рисового вина. Может, нам

выпить с тобой несколько чашек?" — раздался веселый голос.

Во двор хохоча, зашел мужчина, с виду ровесник Е Дунпина. Следом за ним шел Толстяк Дунь с другими мальчишками. Они словно прятались за спиной гостя и боялись посмотреть в сторону Е Тяня.

"Учитель Юй..."

Увидев вошедшего, Е Тянь сразу скромно поприветствовал его. Это ведь не только классный руководитель, но еще и отец Юй Цинъя. Неужели она все-таки нажаловалась?

Юй Хаожань, увидев скромного и присмирившего ученика, засмеялся: "Сукин сын, учишься хорошо, но поведение неприличное. Для гармоничного развития важно все: моральный, интеллектуальный, физический и эстетический труд..."

Глядя на своего ученика, Юй Хаожань не знал, плакать ему или смеяться. С успеваемостью у Е Тяня все было в порядке, он мог быть лучшим учеником не только в городе, но и во всем уезде, если бы старался. Однако, в голове у него были лишь игры и озорство.

Но все учителя симпатизируют ученикам с хорошей успеваемостью, даже несмотря на отсутствие должного прилежания. В голосе звучит строгость, но в сердце — любовь. Е Дунпина часто приходилось вызывать в школу, и Юй Хаожань постепенно сдружился с ним.

Он, как и Е Дунпин, тоже был не из этих мест и учился за границей. Но здесь он встретил свою любовь и не стал возвращаться в Шанхай. С 1978 года по сей день он преподавал в местной школе.

Глядя на добродушное настроение Юй Хаожаня, Е Дунпин, улыбаясь, спросил: "Учитель Юй, этот гаденыш снова что-то натворил? Всего три дня прошло с прошлого раза. Вы слишком добры с ним, наказывайте его строже, как своего собственного сына..."

"Ой, папа, я так голоден. Давайте кушать..."

Е Тянь робко косился на учителя, понимая, что виноват. Но с тех пор, как учитель и его отец сблизились, Юй Хаожань не часто сообщал Е Дунпину о проказах его сына. Может, и сегодня повезет.

"Кушать, кушать, пошли. Старина Е, ты первый..."

Юй Хаожань действительно не стал говорить о школьных делах. Вместе с остальными учениками, он сел за стол, они с Е Дунпином наполнили чашки вином и чокнулись.

"Это вино... оно невкусное, но, как и положено эрготоу, достаточно крепкое..." Е Дунпин выпил чашу вина, покачал головой и как-будто о чем-то задумался, а его глаза затуманились.

Юй Хаожань, осушив свою чашу, сказал: "Старина Е, я как раз хочу поговорить с тобой об одном деле..."

Пока взрослые разговаривали, попивая вино, дети не сидели сложа руки. Палочки для еды так и летали над столом. Сначала в голодных детских ртах исчезла по кусочку рыба, затем опустела тарелка с угрем, а глаза все еще рыскали по столу в поисках какой-нибудь вкуснятины. Со стороны они выглядели, как маленькие голодные волчата.

"Папа, учитель Юй, мы наелись..." После пяти минут безуспешных поисков еды на опустевшем столе, заявил Е Тянь, поглаживая себя по животу. Он встал и покосился на дверь.

"Вот же гаденыш, один съел больше всех..." — окинув взглядом пустой стол, Е Дунпин ругался, смеясь во все горло. Потом встал и сказал: "Отправляйтесь играть. Учитель Юй, я пожарю ребятам арахиса, и мы спокойно поговорим..."

...В деревне Ли ни у кого не было телевизора, но до позднего вечера на улицах всегда кипела жизнь. Сельчане группками и по одиночке после ужина выходили на улицу освежиться, обсудить новости, а лягушки и сверчки в поле своим кваканием и стрекотом добавляли шума.

"Брат Е, дай посмотреть..."

В это время, у одного дома под окном можно было увидеть три головы. Света внутри не было, но в лунный луч за стеклом выхватывал неясный белый силуэт, который заинтересованно обсуждали трое мальчишек.

Они были еще малы и не испытывали физической потребности в подглядывании. Им в эти годы было важнее похвастаться перед одноклассниками, что они видели нечто запретное. Поэтому мальчишки выгадывали время, когда Растяпы Ли нет дома и развлекались таким образом.

"Эй, братцы-кролики, смерти ищете?"

Как раз в тот момент, когда Е Тянь с друзьями спорили, на какой именно ягодице у жены Растяпы Ли находится родинка, со стороны входа во двор раздался звучный голос.

"Черт возьми, толстяк Дунь, разве ты не говорил, что Растяпа Ли поздно вернется? Знал бы, что доверия твоим словам нет, сам гексаграмму посмотрел..."

Е Тянь хорошо знал вздорный нрав Растяпы Ли. Если Растяпа поймает его, вся деревня узнает об этом. Люди не посмотрят, что он еще ребенок, будут сплетничать, что он принес курицу жене Растяпы, как ему тогда в глаза односельчанам смотреть. (прим. Курица для жены —

сюжет народной сказки. Жену деревенского дурачка нанял на работу богач, а когда пришло время отпускать ее, решил сделать женщину своей второй женой. Для этого он купил курицу, якобы для прощального ужина, и посыпал ее афродизиаком.)

Увидев, что Растяпа перегородил дорогу к выходу со двора, мальчишки бросились врассыпную, словно маленькие птички и зверьки. Стены дворов в деревне были невысокими, чуть больше метра, и даже маленький толстяк Дунь мог легко перемахнуть через такую преграду.

Добежав до стены, Е Тянь услышал крик за спиной. Обернувшись, он увидел, что Растяпа поймал и держит за ухо толстяка Дуня.

"Вот же тупица..." — пробормотал Е Тянь и, ухватившись правой рукой за край стены, перепрыгнул ее и сразу бросился прочь.

"О, а не навестить ли сегодня наставника..."

Покинув двор дома Растяпы Ли, Е Тянь не спешил возвращаться домой, а сразу побежал к склону горы за деревней. Ему не хотелось получить тумаки от отца в первый день каникул. Можно спрятаться в горах на несколько дней, а когда гнев отца ослабнет, вернуться.

Горы в Маошане высокие и густо заросли лесом, но Е Тянь не боялся там бродить. Еще в пять лет он набрался смелости, и ушел на гору, но сбился с пути и набрел на монастырь, построенный на вершине. Там он встретил старого даоса, который назвался фамилией Ли. Он жил в полуразрушенном доме, который называл даосским храмом. К тому времени он и так уже был одурачен историями о великих монахах, и поклонился старому даосу, напросившись в ученики.

Е Тянь не знал, сколько лет наставнику. Старый даос рассказывал, что командир Чэнь И, руководивший партизанскими военными действиями в Маошане, называл его дядей. (прим. 1) Чэнь И — китайский военный, с 1923 года вступивший в КПК. В 1934 году в, будучи начальником политотдела 4-й Красной Армии, был уполномочен компартией организовать партизанское движение в бассейне Янцзыян. 2) "Называл даоса дядей" — имеются в виду не родственные отношения, а вежливое обращение к старшему или вышестоящему в какой-либо иерархии.)

Е Тянь тогда был маленький и еще не знал, кто такой Чэнь И. Но, поступив в школу и узнав о знаменитом маршале, решил, что старый даос просто хвастун. Иногда он подшучивал над стариком, но даос не обижался, только загадочно улыбался в ответ, не говоря ни слова.

Правда, в учении старик был строг, заставлял учить наизусть такие сложные книги как "Маи сяньфа" и "Сборник водных зеркал", но он на самом деле хорошо владел кунг-фу. Именно боевые искусства больше всего интересовали Е Тяня, когда он последовал за даосом. В самом деле он неплохо освоил техники контроля ци и среди сверстников был практически непобедим. (прим. "Маи сяньфа", физиогномика Маи — один из древнейших трактатов по сяньфа, гаданию по внешности, написанный в десятом веке мастером Чэнь Бо. Однако, позже появилась легенда о даосе Маи, которому приписывали авторство этой книги. В истории Е Тяня даос Маи —

персонаж реально существующий, основоположник-патриарх клана Май. "Сборник водяных зеркал" — еще один трактат по сяньфа, название идиоматическое. "Водяные зеркала" — способность видеть подлинную натуру человека, то есть это "Сборник способов увидеть натуру человека")

Дорога от Личжуана до даосского храма на вершине горы заняла почти целый час. На полпути внезапно начался ливень, и, когда Е Тянь добрался до храма, вымок весь, как курица в супе.

"Наставник, наставник, я здесь..." — зайдя внутрь, окликнул он.

Этот храм был небольшим: главный зал сразу у входа, а позади всего две комнаты. Ворота давно обветшали и год назад старый даос пустил их на дрова. Зато теперь Е Тяню не надо было стучать в дверь.

"Наставник, кто-нибудь... есть здесь кто?"

Е Тянь обошел главный зал, заглянул в задние комнаты и понял, что даоса в храме нет. Почесав затылок, он вернулся в главный зал и поклонился статуе, стоявшей в самом центре.

В отличие от храмов Маошаня, где в главных залах поклонялись трем чистым даосским святым, здесь возвышалась статуя простого даоса.

В алтаре храма восседал даосский священник, одетый в простые льняные одежды, волосы собраны в пучок. Левую руку он положил на грудь, правую поднял над головой, сжимая компас геоманта размером с ладонь. Странное зрелище.

Старый даос говорил, что это статуя патриарха Май, основателя даосского клана Май. Ему не обязательно зажигать благовония, достаточно искреннего поклонения.

"На улице такой сильный дождь. Со стариком ведь ничего не случилось?"

Внезапно раздался громкий раскат грома, и весь даосский храм, казалось, затрясся. Е Тянь оглянулся и выглянул наружу, он всерьез беспокоился о старом даосе.

"Хм? Что за звук?"

Как раз в тот момент, когда Е Тянь высунул голову за дверь, он услышал скрип позади. Обернувшись, он увидел, как статуя наклонилась и падает в его направлении.

"Патриарх, я был слишком непочтительным..."

Но падающая статуя неумолимо приближалась, грозя раздавить его, словно рухнувшая гора. Е Тянь сделал шаг назад. К счастью, он был невысокого роста и смог увернуться от глиняной головы патриарха.

Он уже решил, что спасся, но внезапно почувствовал острую боль в затылке. Это правая рука патриарха, поднятая над головой, дотянулась до него.

Хотя статуя была не каменной, а глиняной, сила удара оказалась огромной. Из разбитого затылка сразу кровь потекла ручьем. Е Тянь лишь успел почувствовать боль от удара, затем у него потемнело в глазах, и сознание покинуло его.

А двухметровая статуя с алтаря упала на пол и разбилась. Неужели патриарх Май простоял здесь тысячу лет, готовя такую пакость?

Кожа головы сплошь покрыта мелкими капиллярами. Даже если легонько оцарапать ее, кровь будет течь. Хрупкое тело Е Тяня было неподвижно, а под его головой растекалась кровавая лужа, пропитывая земляной пол.

Ливень снаружи усиливался, молнии сверкали непрерывно. Этот старый даосский храм выглядел совсем ветхим, казалось, он рухнет в любой момент под тяжестью бури.

<http://tl.rulate.ru/book/14729/3185710>